

А. Д. Вентцель

Университет Тулейн, Новый Орлеан, США

Два семестра китайского (заметки студента).

Ошиваясь в шестидесятые годы на Отделении структурной и прикладной лингвистики, я впитывал какие-то куски науки языковедения. Это было очень интересно; и всегда можно было обсудить интересовавший меня вопрос с Андреем Анатольевичем Зализняком. Сейчас мне этого очень не хватает.

Когда я прибыл на мое новое место работы в университете Тулейн в Новом Орлеане, я осмотрелся. Существенной частью Университета была Школа медицины – но она была вообще в другом месте и не имела к нам никакого отношения. На нашем *кампусе* была Инженерная школа, Школа архитектуры (архитекторы иногда возводили в центре общей лужайки какие-то свои диковинные конструкции, которые, простояв с месяц, как-то разрушались); но основная часть это был Колледж Свободных искусств и Наук, куда входили и математика, и физика, и всякие гуманитарные «свободные искусства». Время от времени мы созывались на обще-колледжные собрания – я пару раз сходил, вдохновленный моим приятелем-историком Сэмом Рэймером (я знал его по Ленинграду и Москве в 1969 года), который сказал, что профессоров на этих собраниях, особенно гуманитариев, стоит послушать: очень хорошо говорят.

Я поинтересовался, как в нашем Колледже с лингвистикой. Оказалось, что «лингвистика» здесь существует как часть антропологии. Я так и не пошел посмотреть на Отделение антропологии.

В числе преимуществ, которые мне полагались как преподавателю Университета, была возможность одновременно с работой учиться в нем бесплатно. До весны 2012 г. у меня как-то не доходили руки воспользоваться этим; но теперь – я колебался между несколькими не сулящими мне никакой практической выгоды курсами и остановился на (начальном) курсе китайского (мандаринского) языка.

Мы все знаем одну-две вещи о китайском языке: что у него очень непривычная для нас фонетика, включающая тоны, и столь же непривычная для нас грамматика, не включающая привычных для нас родов, чисел, падежей, времен и прочего, а включающая неизвестно что, и как этот язык мог бы функционировать – неизвестно.

Я считал, что у меня есть кое-какие плюсы для того, чтобы взяться за китайский язык. Во-первых, у меня есть какая-то привычка писать иероглифы и искать их в словаре – от японского, которым я когда-то занимался; во-вторых, какая бы там ни была грамматика, я готов стараться ее понять – а не копировать в китайских фразах грамматику

английского. В третьих, я слышал о евразийстве, вымечтанном нашими эмигрантами в Праге; лингвистическая часть этого евразийства была, что для наших языков характерно наличие палатализованных (мягких) согласных – тогда как, скажем, в уросшем на запад от славяно-евразийской общности чешском языке с этим слабо – что уж говорить об английском или французском. Так что китайские мягкие согласные должны были быть легче мне, говорящему на русском, чем моим соученикам-американцам, которые Евразии и не нюхали.

Разумеется, я понимал, что неизбежно мое китайское произношение будет чудовищно плохим; так что я заранее планировал какие-то замены одних звуков (одних элементов звуковой системы) другими. Если подумать, тут ничего такого особенно плохого нет.

В отличие от теоретической фонетики, описывающей произношение и восприятие звуков в строгих научных терминах строго научными методами, у каждого, кто знакомится с новым языком, возникает практическая фонетика. Так как не всякий может надеяться овладеть этим языком до штирлицевской виртуозности, эта практическая фонетика в большой степени состоит из подмен новых звуковых явлений привычными из родного языка или других языков – как в отношении произнесения, так и восприятия звуков, включая «самодельные» записи слов этого языка для себя.

У девочки, поступившей в «английскую» школу в советской Москве, я увидел в тетрадке слово *темпер*; что значило “temperature” (заметьте, что первая согласная в *тэ* изображает альвеолярное придыхательное t^h , тогда как *е* значило бы che. В сущности, если говорить не именно о произношении, любая передача звуковой системы языка средствами чужой письменности есть как раз система допустимых замен одних звуков другими).

Может оказаться, что носители языка отличают такие-то звуки по таким-то признакам, которые нам непривычны и недоступны для нашего восприятия; но одновременно эти звуки отличаются по другим признакам, которые не существенны для носителей языка, но зато доступны нам – тоже подмена.

Конечно, возникает вопрос, насколько допустима та или иная подмена.

Тогда как у юной ученицы английской школы и у большинства берущихся за новый язык такие подмены происходят бессознательно, я планировал возможность подмен с открытыми глазами.

Я предвидел, что самое трудное в китайской фонетике будут тоны, и заранее думал о возможных заменах: например, если окажется, что слоги с таким-то тоном произносятся дольше, чем с таким-то (долгота – что-то привычное), то это могло бы помочь распознавать эти тоны в услышанном – да и в произнесении китайских слов тоже; или что при таком-то тоне такие-то звуки заменяются на то-то.

Нашу преподавательницу звали Се Лаоши («учитель Се»). Она объявила нам, что если заниматься китайским языком только в классное время, то чтобы выучить язык так,

чтоб мочь функционировать в Китае, нужно семнадцать с половиной лет; если заниматься еще дополнительно, – меньше.

Естественно, Се Лаоши начала с фонетики. Тонов оказалось не ахти сколько: четыре, плюс еще один («нейтральный»). Насчет палатализованных согласных ни слова не было сказано. Конечно, правильно: это слово было бы непонятно слушателям; столь же непонятно было бы и слово мягкий (soft) в этом значении (раз в английском такой вещи нет; и слово soft употребляется в Америке применительно к произношению букв s и g как ʃ и ʒ).

Нужно было не только научить студентов китайским звукам, но и дать им обозначения для них – чтобы они могли читать то, что дается в словаре. Имеется система – точнее, несколько систем – записи звучания китайских иероглифов фонетическими символами. Принятая в материковом Китае система pinyin использует латинские буквы; но вообще-то китайцы не любят такой фонетической записи и не очень-то умеют ей пользоваться. Если спросить у китайца, как записывается звучание такого-то слова латинскими буквами или что значит вот это слово, записанное ими, он, прежде чем ответить, долго шевелит пальцами, воспроизводя движения кисти, пишущей соответствующий иероглиф.

Но так или иначе система pinyin широко используется при обучении китайскому языку. И, разумеется, эта система дает свою, следующую китайской лингвистической традиции, интерпретацию фонетической структуры китайского слова (морфемы).

Согласно китайской традиции, запечатленной в системе фонетической записи, китайский слог (фактически морфема) состоит из начального согласного (который может отсутствовать), промежуточного звука (i, u или ü – и промежуточный звук тоже может отсутствовать), основного гласного (не может отсутствовать) и конечного звука (который может отсутствовать, или быть одним из звуков -i, -u, -o, -n или -ng – что изображает один звук -ŋ). Так что то, что, например, китайское слово, записывающееся в русской транскрипции как бе, в pinyin записывается как bie: никакой трудности для носителей английского языка понять, что именно написано, и воспроизвести допустимую замену произношения этого слова. Однако допустимая замена для русских и таковая для говорящих по-английски отличались друг от друга. Я решил тщательно прислушаться к тому, как произносит то, что, как я ожидал, должно было бы быть мягкими согласными, наш преподаватель. Се Лаоши произносила это как биэ, с очень коротким и, но определенно с промежуточным гласным. Так кто всё же прав: я, предвкусивший легкое для меня евразийское произношение бе, или система pinyin?

Вроде бы свидетельство Се Лаоши решало этот вопрос в пользу биэ, против бе. Но: родной язык нашей преподавательницы – китайский, но не мандаринский (который есть официальный язык, и в то же время родной язык для большого числа китайцев), а другой китайский язык, называющийся Wu, на котором говорят в Шанхае и вокруг (отдельные разновидности языка Wu не всегда взаимно понятны, но, пожив с месяц в новом месте, начинаешь всё понимать). Во-вторых, то, как она произносила, вдалбливая в

нас это произношение, можно сопоставить с тем, как мы будем по складам, медленно, изображать иностранцу слово ко-ро-ва; тогда как, согласитесь, о в ко – вовсе не о (то есть, может быть, как и мы, Се Лаоши произносила, «как пишется»). В третьих, как я уже сказал, американские студенты и не могли бы усвоить произношение бе, как по-русски; так что, может, демонстрируемое нам произношение было единственно возможным для успеха педагогическим приемом. В четвертых, нас, студентов, просили произносить китайские слова, и я произносил такие слова не с промежуточным коротеньким гласным і, а с привычным нам, русским, палатализованным согласным – и не бывал по этому поводу поправляем. – Так что я так и не знаю, где истина...

Было еще несколько мест, в которых русская транскрипция китайских слов отличается от pinyin. Например, конечное -ң передается в русской транскрипции как -нь, а -ng как -н. Ну, насчет ng оно понятно: нет в русском такого звука, а написать нг – выйдет чорт знает что. Но насчет ң/нь: ближе ли конечное -ң в китайском к русскому твердому или палатализованному н? Я стал прислушиваться; оказалось – когда как. Но действительно, альвеолярное ң сдвинуто от русского дентального н в сторону мягкого нь.

Еще одно расхождение русской транскрипционной традиции и pinyin: то, что в русской транскрипции передается как -ун, в pinyin'е изображается как -ong; например, Mao Zedong. Се Лаоши произносила определенно -ong; но это опять-таки не решает вопроса окончательно (см. выше). К тому же в системе латинизации, принятой на Тайване, здесь пишется -ung. Вероятно, должно быть что-то среднее между у и о.

Не буду рассказывать здесь обо всех фонетических вопросах, возникших у меня в этом курсе; скажу о двух непонятных вещах.

Первая: в системе pinyin имеются написания, которые не передают именно звуковой состав китайских слов, а что-то другое (это мог бы быть фонемный состав, только в этом элементарном курсе слово фонема не должно было употребляться); например, конец слога, произносящийся -uei, записывается как -ui (здесь есть что порассказать, но воздержимся). В нашем учебнике давался краткий список таких «условных» написаний. Среди них было такое: вместо -ueng после согласной пишется -ong (а без начальной согласной это пишется как weng; насчет слоговой финали -ong см. выше). Ну, если я чему-то научился, околавываясь на ОСИПЛе, так это тому, чтобы понимать, что я чего-то не понимаю¹; и я вылез с вопросом (в то время, как американские студенты, вероятно, тоже не понимали этого, но не понимали, что не понимают): А что это, собственно, значит? Что что-то произносится -ueng, а пишется -ong? – Как я уже сказал, профессор Се произносила это определенно как -ong; и единственное объяснение, которое она могла дать тому, что написано в учебнике, было еще раз повторить всё, что там написано. Ну что ж, глупо было бы ожидать, чтобы рядовой преподаватель языка был Зализняком. Все, кроме меня, были полностью удовлетворены; ну, и я не стал настаивать.

¹ Мой первый читатель спросил меня: – А что же, околавываясь на мехмате, ты не научился понимать, что чего-то не понимаешь? – А я всё понимал, – ответил я.

Возможная гипотеза: слог включает фонемы -ɕeŋg; и они реализуются как -oŋg. Вторая гипотеза: при старательном произношении это -ɕeŋg, а в беглой речи -oŋg (или наоборот); ср. американское произношение, в котором question может иногда произноситься как qostion. Неясно, у кого спросить.

Вторая вещь была (должна была бы быть) непонятна для американских студентов (хотя они могли об этом не догадываться), но в общем-то понятна мне. Учебник (а вслед за ним и преподаватель) сообщал нам, что звуки ɕ, j, ɣ находятся в отношении дополнительного распределения с, соответственно, звуками k, g, h. Было что-то вроде объяснения, что это значит; казалось бы, вслед за этим естественно говорить о фонемах – но это был начальный элементарный курс, и говорить в нем о таких ученых вещах было бы неуместно. Оставался вопрос: а зачем тогда вообще говорить о дополнительном распределении?

Но самое диковинное и трудное в китайской фонетике были тоны. Четыре: первый – ровный высокий (Се Лаоши прямо-таки выпевала его); второй – восходящий; третий – нисходяще-восходящий; и четвертый – нисходящий. И нейтральный – безударный, приспособляющийся по высоте по определенным правилам к предыдущему слогу. Мы старались изо всех сил. Моя дочь, заглянув в нашу аудиторию, сказала: «Я слышала, как вы мяукаете.» Казалось невозможным произносить каждый слог с каким-то тоном, и при этом не сбиваться. Но, кажется, это делается только в отдельной речи с установкой именно на четкость и безусловную понимаемость; а в обычной речи всё это как-то смазывается, а тоном выделяются только ключевые места (например, для отличия одного квази-омонима от другого). Так же дирижер не следит всё время за всем в своем оркестре; но в определенном месте партитуры находит взглядом определенного одного оркестранта и дает ему знак (сообщено дирижером).

Я изо всех сил прислушивался к тонам в речи Се Лаоши. Мое впечатление оказалось, что второй и особенно четвертый тоны (восходящий и нисходящий) произносятся кратко, а первый и третий (ровный высокий и нисходяще-восходящий) – долго (оно и вроде бы понятно: нисхождение, сменяемое восхождением, не очень-то уместилось бы в пределах очень краткого слога). Я попытался применить это в своем произношении китайских слов – результат был, пожалуй, не хуже и не лучше, чем у остальных студентов.

Самое интересное о тонах, что сообщал нам учебник, было tone sandhi: если подряд идут два слога с третьим (нисходяще-восходящим) тоном, то тон в первом слоге меняется на второй (восходящий). Конечно, у меня возник сразу вопрос: а что если три третьих тона идут подряд? – Но никому это не показалось нужным или интересным. Что такое просто сандхи, не объяснялось (может быть, предполагалось, что студенты посмотрят это в Интернете?). Оно и понятно: гораздо почетнее рассматривать экзотическое тоновое сандхи, чем будничное сандхи без эпитета; кроме того, рассматривать вульгарное просто сандхи было бы сдавать позиции в многовековом

культурном соперничестве Китая и Индии. Я подумал, что, может, в китайском нет такого явления, как звуковое сандхи? Стал прислушиваться: оказалось, что есть.

Должен с сожалением сообщить, что получил по курсу пятерку (по-американски, «А»). Конечно, я этого не заслуживал: мои успехи, по сравнению с другими студентами (да и без всякого сравнения), были так себе (впрочем, я не знаю отметок других студентов: privacy здесь строго соблюдается). Я как-то был разочарован: за что в нашем университете ставят пятерку?

Наша преподавательница мне понравилась. Как здорово она показывала руками высоту звука разных тонов в потоке речи! Но в следующий семестр Се Лаоши не преподавала второй семестр китайского; она должна была преподавать курс китайской лингвистики (курс более высокого уровня: приблизительно для третьекурсников, а не первокурсников). Знание китайского языка не было необходимым для этого курса; и я зарегистрировался на него. Вот тут-то мне ответят на все мои вопросы, в частности, насчет фонематической системы китайского.

Учебник для этого нового курса была тоненькая розовая книжка, написанная калифорнийским китайским профессором. Кроме этого, нам был дан еще дополнительный материал для чтения – в основном статьи – с такими названиями, как: The Chinese concept of "Face", или An examination of Chinese invitational discourse, или Sentence-final particle le, или It is good to be a little Chinese. Мы должны были читать их и докладывать в классе. Кроме того, были даны задания, предполагающие самостоятельное микроисследование: рассказать о каком-либо не-китайском национальном меньшинстве в Китае (предполагаемое исследование, конечно, – поиск по Интернету); и: найти китайца, говорящего на каком-нибудь не-мандаринском китайском языке, сделать звуковую запись того, что он говорит на мандаринском и на своем китайском языке, и произвести сравнение мандаринского и этого языка. В качестве национального меньшинства я выбрал русских – тут мне было что рассказать и помимо Интернета; но я прочел также кое-что из того, что пишут об этом в Интернете (по-английски) китайцы. Когда я дошел до того места, где было написано, что для русских характерна чрезвычайная вежливость, я понял, что тут что-то не так – Пушкин еще в 1814 году писал: «За учтивого китайца, грубого американца / Принимать меня нельзя»; и, разумеется за истекшую пару столетий мы не стали вежливее. Я написал эссе на эту тему и представил его в классе, снискав жидкие аплодисменты (как и другие докладчики); было бы неуместно включать это эссе сюда. К вопросу о вежливости я вернулся на среди-семестровом экзамене (midterm exam), где один из вопросов был: «Напишите письмо вашему другу, едущему в Китай, о китайской вежливости.» Я вдохновился и написал целую страницу:

Дорогой Джон,

Ты едешь в Китай, так что тебе нужно знать, что Китай – страна вежливости. Здесь в Соединенных Штатах можно войти в кафе и попросить стакан чая или кофе; и это будет

полностью ОК – в США. Но в Китае это было бы в высшей степени невежливо – тебя могут даже побить.

Видишь ли, в США каждое лицо – всего лишь отдельный индивидуум; но в Китае ты ничто, если у тебя нет своего места в системе общества, в его иерархии. Так что, войдя в кафе, тебе нужно очень быстро понять, кто из присутствующих выше тебя, кто – твоя ровня, и ты должен учитывать детей, которые там находятся, и т. д.. Обращаясь к официанту, чтобы попросить чаю или кофе (кстати, это называется там не чай и не кофе, а chá и kāfēi), тебе нужно прежде всего решить, будешь ли ты называть его nǐ (что означате «вы») или nín (что тоже значит «вы», но с бóльшим уважением к лицу, к которому оно обращено); и в то же время ты должен выражать глубокое уважение к лицам выше себя среди присутствующих – пусть даже только жестами – и изливать любовь на детей (не называй их “kids”: в Китае это оскорбление).

Но так как твой китайский язык очень ограничен, и твое знание китайской культуры тоже, лучше уж совсем не ходи в кафе; в конце концов, провести две недели без еды и питья – не такая уж большая вещь; по крайней мере ты сохранишь свое лицо (yào miànzi).

Твой Алекс.

Что касается не-мандаринского китайского, у нас много аспирантов из Китая, и оказалось нетрудно найти нужного информанта; язык аспиранта Zhū Dòng был тот же самый Wu (разумеется, он говорил также и по-мандарински). Я записал произнесенные им штук двадцать слов и фраз (числительные от одного до десяти, ряд простеньких слов и, например: «У него есть свинья?»).

Под конец курса все должны были делать доклад о своем не-мандаринском китайском. Я прослушал несколько сообщений – оказалось, что наши студенты не умеют докладывать: их доклад или состоял в воспроизведении сделанной ими звукозаписи (что было невразумительно и скучно для меня), или в демонстрации слайдов с написанным текстом на экране с чтением этого же текста вслух. Я понял, что если я вот так же доложу о двадцати словах, произнесенных уважаемым Чжу Дуном, с попыткой их фонетической записи и, возможно, воспроизведением сделанной мной звукозаписи, это будет так же скучно.

Информация, приводимая в словарях, выверенная квалифицированными филологами, куда надежнее и содержательнее самодельных звукозаписей и попыток фонетической записи речи информантов. У меня был японский словарь иероглифов, в котором при каждом иероглифе приводилось также его китайское (и корейское) произношение. Так что я решил в качестве не-мандаринского китайского языка рассмотреть язык японских слов, заимствованных из китайского или составленных из происходящих из китайского морфем (канго). Мое «исследование» по словарю заняло какой-нибудь час. Практически все китайские морфемы состоят из одного слога; японские морфемы, заимствованные из китайского, – из одного слога или двух слогов: второй слог

– это ки, ку, ти или цу. Казалось несомненным, что эти двусложные морфемы – это приспособленные к японской фонетической системе китайские морфемы, кончающиеся на к или т (в японском языке это невозможно, как невозможно и в современном мандаринском языке; но такие финали есть в южно-китайских языках – а канго могли заимствоваться и из юга Китая – и, как нам было сообщено, они были в древне- и средне-китайском). В своем сообщении я ставил вопрос о том, почему конечное к «раздваивалось» на ку и ки, а т – на цу и ти; это могло бы объясняться влиянием китайских тонов. Никакой реакции слушателей или Се Лаоши на мой доклад не было (впрочем, и другие фонетические доклады были выслушаны, в общем, в равнодушном молчании; разве что я задавал вопросы – на что реакции тоже практически не было); и никто не ответил на поставленный мной вопрос о тонах и ки, ку, ти, цу – конечно, надеяться получить этот ответ было бы безрассудно. На самом деле вопрос о звуковой форме канго – очень интересный, но вряд ли стоит говорить об этом на любительском уровне этих «заметок».

На первом же занятии я обнаружил, что большая часть студентов, записавшихся на курс, были китайцы. Примерно на первой трети курса я понял, что остальные студенты были либо американские китайцы, либо американцы, учившие китайский язык несколько лет; они собираются в обозримом будущем поехать в Китай и хотят улучшить свое знание китайского. (Китайские студенты записались на этот курс, по-видимому, чтобы без особого труда получить еще одну пятерку.) Я оказался худшим в группе по знанию китайского языка. Не очень-то приятно было не понимать почти ничего из приводимых китайских примеров. Что я умел – так это задавать вопросы; но мне совестно было занимать время лекции вопросами, которые никого, кроме меня, не интересуют, – так что я сдерживался. Вероятно, каждый слышал о стандартном китайском образе трех обезьян, одна из которых зажимает руками глаза: не вижу (злого, имеется в виду), другая – уши: не слышу (злого), а третья рот: не говорю (разумеется, в нашей семье были три китайских обезьяны: в конце сороковых годов в связи с важными событиями в комиссионных магазинах было много вещей из Китая). Так вот, ощущения человека, не знающего китайского, но окруженного этим языком, можно описать с помощью этих трех обезьян: одна заткнула уши: не понимаю китайской речи; другая зажимает рот: по-китайски не говорю; третья закрыла глаза: по-китайски не читаю. Надо бы ввести ещё четвертую обезьяну, в отчаянии ломающую бамбуковые кисти: **по-китайски не пишу!**

Но хотел-то я узнать, во-первых, о том, какие фонемы следует рассматривать в китайском (мандаринском) языке; а во-вторых, действительно ли одни тоны в китайском соответствуют большей, а другие меньшей длительности. Что касается фонологии, то опять было повторено, что такие-то пары звуков находятся в отношении дополнительного распределения, но опять про фонемы ничего не было сказано. Я уж и не поднимал этого вопроса, а полез в Интернет; нашел парочку статей об этом, только не всё было понятно – в частности, из-за уродских обозначений: одна и та же «буква», похожая на гамму,

изображала и какой-то согласный, и какой-то совершенно другой гласный, а какой – не объяснялось. Ну, да это не о моем личном опыте с фонетикой.

Я задал Се Лаоши вопрос насчет сравнительной длительности слогов с разными тонами: она категорически отвергла предположение, что длительность может быть здесь при чем-то. Ну, конечно, я опять полез в Интернет. Сначала мне выдавали какие-то глупости, например, как воспринимают китайцы долготу английских гласных, и т. п.. Но потом я изловчился, написал «мандаринский» вместо «китайский» и вышел-таки на интересующий меня вопрос. В статье с приведением численных данных сообщалось, что четвертый тон (нисходящий) действительно в среднем короче всех, а третий (нисходяще-восходящий) – дольше всех; но следующий по средней длительности – второй тон (восходящий), а первый (высокий ровный) в среднем короче второго, но длиннее четвертого. То есть по моему слуху мне казалось, что первый тон дольше второго, а по измерениям оказалось наоборот. Однако в той же статье объяснялось, что долгота слогов зависит от тона (в среднем) меньше, чем от многих других вещей – звуков данного слога и соседних, и т. п.

Меня интересовал вопрос, какой же всё-таки главный интерес Се Лаоши в области китайской лингвистики: очевидно, не фонетика. По-видимому, это социолингвистика или что-то рядом: например, что китайцы не принимают приглашения с первого раза, а отказываются до трех раз, с тем, чтобы не нанести урона своему лицу и в то же время не подвергнуть ущербу лицо приглашающего; и т. п.. Я не могу ручаться, и никто не может мне сказать, что все эти модели поведения, характерные для до-коммунистического Китая, сохраняются в сегодняшнем (пост-?) коммунистическом; но, в конце концов, изучение мертвого латинского языка – вполне почтенное занятие, так почему незаконно изучение социолингвистики скончавшегося социума?

Мне было бы лестно получить от моих читателей вопросы по поводу этого текста.

Пожалуйста извините меня за эти плохие очень плохие «Заметки». Как учил нас говорить наш учебник, dài-màn, dài-màn! («невнимательный-нерасторопный, невнимательный-нерасторопный»), как должен говорить о себе хозяин, провожающий гостей у ворот своего дома).